Книгоиздательство «ТРУДЪ и ВОЛЯ».

№ 33.

Г. Василичъ.

Забастовка и бойкотъ

Цѣна 30 коп.

Складъ изданій: Москва, М. Дмитровка, Дегтярный, 10.
Книжный складъ Д. П. Ефимова.

Книгоиздательство „Трудъ и Воля“.

Г. ВАСИЛИЧЪ

ЗАБАСТОВКА и БОЙКОТЪ

Складъ изд.: Москва, Мал. Дмитровка, Дегтярный пер., д. 10.
Книжный складъ Д. П. Ефимова.

Типографія Г. Ламбертъ, Москва, Яузскій мостъ, Серебряническая наб., 23 в.

I.

Что такое забастовка или стачка?

Забастовка есть совмѣстное прекращеніе работъ извѣстнымъ кругомъ участниковъ въ одно и то же время съ цѣлью добиться улучшенія въ матеріальномъ или политическомъ своемъ положеніи.

Забастовка это—борьба между работникомъ и капиталистомъ. Борьба заключается въ томъ, что рабочіе бросаютъ работы или съ цѣлью улучшенія своего матеріальнаго положенія,—напримѣръ, увеличенія заработной платы, уменьшенія количества рабочихъ часовъ, увеличенія расцѣнка и т. д.,—или съ цѣлью протеста, противъ неправильныхъ и произвольныхъ дѣйствій предпринимателей и ихъ ставленниковъ, или же, наконецъ, съ цѣлью поддержки своихъ забастовавшихъ товарищей.

Въ настоящее время такая забастовка и въ Европѣ, и въ Америкѣ пользуется широкимъ употребленіемъ среди рабочихъ массъ; но она была извѣстна въ самыя отдаленныя времена исторіи. Такъ, есть извѣстіе, что еще въ 1490 году до Рождества Христова еврейскіе рабочіе въ Египтѣ прибѣгли къ забастовкѣ, когда ихъ заставили дѣлать кирпичи безъ соломы. Въ древнемъ Римѣ забастовки рабовъ случались нерѣдко. То же можно сказать про Средніе вѣка. Словомъ, забастовки были во всѣ времена; но онѣ не имѣли такой силы и распространенія, какъ въ прошлый 19-й вѣкъ и въ наши годы, такъ какъ раньше не было еще рѣзкаго раздѣла между предпринимателями и рабочими, такъ какъ тогда техника еще не была такъ развита, какъ теперь, и такъ какъ тогда рабочіе не были такъ скучены на одной и той же фабрикѣ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ. У нихъ не было общихъ интересовъ и возможности сооб-

ща ихъ отстаивать. Въ мелкихъ,—кустарныхъ, напримѣръ,—промыслахъ не можетъ быть забастовки, такъ какъ кустарю пришлось бы бастовать противъ себя.

Теперь во многихъ странахъ признано право за рабочими пользоваться забастовками какъ средствомъ экономической борьбы; но исторія забастовокъ открываетъ передъ нами грустную картину борьбы рабочихъ за это право. Во всѣхъ странахъ первоначально забастовки преслѣдуются и жестоко наказуются. Вслѣдствіе этого забастовки носятъ характеръ безпорядковъ, которые сопровождаются всякаго рода насиліями какъ со стороны бастующихъ, такъ и со стороны властей и закона. Промышленники, а съ ними и правительство повсюду стараются сначала всячески противиться забастовкамъ и подавляютъ ихъ самыми жестокими средствами. Однако, торжество побѣды повсюду остается на сторонѣ рабочихъ. Раньше всего право забастовокъ было завоевано въ Англіи. Тамъ рабочее движеніе началось очень рано, и уже въ 1824 году уничтожены всякія преслѣдованія за забастовки. Цѣлымъ рядомъ позднѣйшихъ законодательствъ это было подтверждено, и въ настоящее время никакая забастовка, начатая для достиженія требованій, не подлежитъ наказанію. Во Франціи, гдѣ были прямо звѣрскіе законы для пресѣченія забастовокъ, они всѣ отмѣнены въ 1864 году. Въ Бельгіи право забастовокъ рабочимъ дано въ 1866 году. Въ Германіи оно дано въ 1869 году, но тамъ законъ преслѣдуетъ всякаго, кто заставляетъ другого принять участіе въ забастовкѣ, и требуетъ предупрежденія хозяина за двѣ недѣли до стачки. Понятно, что это требованіе не исполняется. Въ Италіи въ 1890 году забастовки разрѣшены, но тамъ также наказываются тѣ, кто заставляетъ другихъ примкнуть къ стачкѣ. У насъ же права забастовокъ у рабочихъ нѣтъ до сихъ поръ *).

*) Всѣ временныя правила и распоряженія до 1917 не давали этого права.

Мы сказали, что въ настоящее время забастовки очень распространены на Западѣ, но больше всего ихъ происходитъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Америки. Въ Англіи въ одномъ 1890 году, напримѣръ, число забастовокъ достигло до 1040; такъ, за десятилѣтіе 1893—1903 гг. каждый годъ въ среднемъ было по 724 стачки рабочихъ.

По числу участниковъ въ забастовкѣ и по продолжительности замѣчательна стачка въ 1898 году. Это стачка горнорабочихъ Уэльса. Она продолжалась пять мѣсяцевъ и въ ней принимало участіе сто тысячъ рабочихъ. Въ Германіи количество забастовокъ также очень велико. Въ 1904 году, напримѣръ, забастовокъ было 1578; въ 1903—1374 стачки. Число стачекъ въ Австріи увеличивается съ каждымъ годомъ. Особенно успѣшно проходятъ стачки въ Италіи, гдѣ число ихъ также растетъ. Здѣсь мы не можемъ привести всѣхъ цифръ, показывающихъ количество забастовокъ въ различныхъ государствахъ Европы; это было бы очень скучно для читателя, а потому мы ограничимся этими данными и перейдемъ къ исторіи забастовокъ въ странѣ, въ которой стачки должны интересовать каждаго изъ насъ болѣе всего. Это наша родина.

Мы сказали, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ права забастовокъ ни для кого. Русскіе промышленники, русскій законъ и русское правительство всегда отрицали право у рабочихъ на забастовку и всегда преслѣдовали ее самыми суровыми мѣрами. Издавна и до сихъ поръ неисполненіе договора о наймѣ этой троицей именовалось «неповиновеніемъ властямъ», самовольный уходъ рабочаго — «побѣгомъ», прекращеніе работъ — «бунтомъ». При первыхъ же появленіяхъ у насъ забастовокъ забастовщики предавались суду и осуждались, такъ какъ «наказуемость стачекъ обусловливается требованіями общественнаго благоустройства и благочинія». Вотъ точка зрѣнія, съ которой нашъ законъ будетъ смо-

трѣть на забастовки вплоть до великой русской революціи и въ которой наше правительство будетъ искать опору для своихъ жестокихъ и несправедливыхъ дѣйствій. Но эта точка зрѣнія была не единственна. На забастовки еще смотрѣли какъ на вымогательство, «которое не можетъ быть безъ взысканія». «Прекращеніе рабочими работъ, — говорилось въ правящихъ кругахъ, — съ цѣлью вынудить на уступки заключаетъ въ себѣ всѣ признаки вымогательства и принужденія». Практически такіе взгляды приводили къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. А всякому извѣстно, что такое «рѣшительныя мѣры» самодержавнаго правительства.

Въ 1870 году, напримѣръ, послѣ стачки на Невской бумагопрядильнѣ, губернаторамъ было предоставлено царемъ право «при первомъ же извѣстіи о стачкѣ рабочихъ на какомъ-либо заводѣ или фабрикѣ, не допуская дѣла до судебнаго разбирательства, немедленно по обнаруженіи главныхъ зачинщиковъ между фабричными высылать таковыхъ въ одну изъ назначенныхъ для того губерній». Этимъ всѣ рабочіе государства лишались защиты суда и отдавались на произволъ администраціи.

Въ 1874 году послѣ нѣсколькихъ забастовокъ мѣры къ пресѣченію ихъ еще болѣе усилились. Виновные въ принадлежности къ сообществу, имѣющему цѣлью «возбужденіе къ устройству стачекъ», наказывались отъ заключенія въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ до лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылки на поселеніе въ Сибирь.

Но, не довольствуясь подобными карательными мѣрами, правительство желало предупреждать забастовки, такъ какъ онѣ все-же происходили, несмотря на всю суровость. Съ этой цѣлью оно дало право полиціи и жандармеріи являться во всякое время на заводы и фабрики и производить тамъ обыски у рабочихъ и ихъ аресты. Съ тою же цѣлью оно привлекло и хозяевъ фабрикъ, видя

въ нихъ ревностныхъ помощниковъ. Въ 1879 году было отдано слѣдущее обязательное постановленіе: «Хозяева фабрикъ и заводовъ, а равно директора, администраторы и управляющіе обязаны неуклонно наблюдать за недопущеніемъ въ среду рабочихъ распространителей вредныхъ политическихъ ученій. Въ случаѣ же появленія такихъ лицъ управленіе фабрики обязано немедленно задерживать ихъ и доносить о томъ полиціи. За недонесеніе полиціи о появленіи въ заведеніи злонамѣренныхъ людей виновные въ томъ лица подвергаются, по усмотрѣнію губернатора, взысканію штрафа въ размѣрѣ 500 рублей». Такъ искусственно воздвигалась стѣна между рабочими и хозяевами и такъ вольно или невольно послѣдніе должны были нести обязанность сыщика и доносчика. При такихъ условіяхъ, конечно, невозможно ожидать добрыхъ отношеній. Положеніе осложнялось тѣмъ, что каждая забастовка влекла за собой суровыя кары. Зачинщики ссылались въ Архангельскую или Вологодскую губерніи, многіе попадали въ тюрьмы, а остальные рѣдко добивались успѣха въ своихъ требованіяхъ. Забастовки всякій разъ подавлялись полицейской или военной силой. У рабочихъ не было защиты, за спиной же фабрикантовъ торчали штыки.

Несмотря на это, забастовки происходили ежегодно и все въ большемъ количествѣ. Въ 1885 году вспыхнула огромная забастовка на фабрикѣ Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Забастовало 8 тысячъ рабочихъ. Возникшее слѣдствіе раскрыло невѣроятныя злоупотребленія со стороны администраціи. Однако и въ этихъ справедливыхъ жалобахъ видѣли «бунтъ». Были вызваны войска, и начались аресты и высылка. Около 800 рабочихъ было выслано, 33 человѣка было брошено въ тюрьму.

Не остановило развитія забастовокъ усиленіе наказаній за стачки по закону 1886 года. Забастовочное движеніе стало обыденнымъ явленіемъ жизни Россіи: оно увеличивалось съ каждымъ годомъ въ числѣ забасто-

вокъ и въ количествѣ забастовщиковъ. Изъ единичныхъ забастовки, наконецъ, сдѣлались общими; онѣ охватывали цѣлые районы и все населеніе этихъ районовъ.

Однако, наше законодательство нисколько не ослабляло наказаній за забастовки. Въ 1897 году министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ циркуляръ, подтверждающій всѣ приведенные выше; въ немъ предлагалось безусловно воспрещать всякія сходки рабочихъ и выяснять зачинщиковъ этихъ собраній, подвергая послѣднихъ аресту, если сходки собирались съ цѣлью уговора къ стачкѣ или забастовкѣ. Прекратившихъ работу съ соблюденіемъ законныхъ сроковъ удалять безотлагательно въ мѣста родины или приписки.

Таково параллельное развитіе забастовокъ и законовъ о стачкахъ рабочихъ. Эта параллель доходитъ до первой русской революціи 1905 года. Разразившаяся въ январѣ 1905 года всеобщая политическая забастовка вынудила правительство перемѣнить политику и пойти навстрѣчу нуждамъ рабочихъ. Была назначена комиссія Шидловскаго «для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ г. С.-Петербургѣ и его пригородахъ и изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ». Но что вынуждено и неискренно, то не можетъ принести пользы. Судьба этой комиссіи наглядно и весьма ярко показала, что тотъ способъ выясненія причинъ недовольства рабочихъ, который предлагало правительство, не могъ ничего выяснить, а лишь оттянуть дѣло; рабочіе хорошо это поняли и не пошли въ эту комиссію. Правительство было этому радо: оно теперь опять могло употреблять старыя мѣры. Началась расправа съ рабочими. 22-го февраля 1905 года приставъ 3-го участка Александро-Невской части, вызвавъ трехъ выборщиковъ съ фабрики Кожевникова, безъ всякаго повода съ ихъ стороны, нанесъ имъ побои и всячески глумился, насмѣшливо называя ихъ «депутатами», него-

дями, мерзавцами и т. п. На Обуховскомъ заводѣ 21-го февраля были арестованы 2 депутата отъ снарядной мастерской. Такого рода мѣры «къ устраненію причинъ «недовольства рабочихъ» были настолько возмутительны и многочисленны, что союзъ инженеровъ обратился къ Шидловскому съ письмомъ, гдѣ указывалъ, «что вашъ нравственный долгъ велитъ вамъ немедленно же выступить въ защиту неприкосновенности личности довѣрившихся вамъ рабочихъ».

Но можно ли было говорить о нравственномъ долгѣ правительству Наколая II?

Вернувшись на старый путь, правительство не считалось ни съ какими «нравственными долгами». Оно нашло возможнымъ тогда же объявить всѣ желѣзныя дороги Имперіи на военномъ положеніи и предать служащихъ на дорогахъ военному суду при малѣйшей попыткѣ къ забастовкѣ. Вопіющей несправедливостью этотъ актъ вызвалъ столь же вопіющія послѣдствія. Вотъ фактъ: начальникъ Средне-Азіатской дороги Руинъ доносилъ военному министру отъ 22-го ноября 1905 г. «По имѣющимся свѣдѣніямъ, комендантъ крѣпости Кушки объявилъ крѣпость въ осадномъ положеніи, назначенъ военно-полевой судъ надъ начальникомъ участка инженеромъ Соколовымъ и нѣкоторыми другими служащими Средне - Азіатской жел. дор. въ цѣляхъ присужденія къ смертной казни... Имѣя въ виду, что полевой судъ назначенъ на сегодня, 22-го ноября, умоляю ваше превосходительство экстренно сдѣлать распоряженіе о пріостановкѣ полевого суда и разсматриваніи дѣла обычнымъ порядкомъ».

Фактъ говоритъ самъ за себя; нельзя говорить о чудовищныхъ звѣрствахъ, ихъ можно только чувствовать...

Опубликованная 17-го октября 1905 года конституція ни словомъ не обмолвилась о правахъ стачекъ. Но по.

слѣдовавшія за этимъ актомъ правительственныя распоряженія не допускали двухъ толкованій,—изъ нихъ видно, что правительство оставляло старую политику, старый взглядъ на забастовку. За примѣрами ходить не далеко. Не имѣя возможности справиться со всѣми забастовками, которыми охвачена вся Россія, и оставляя забастовки экономическія на произволъ судьбы или вѣрнѣе, капиталистовъ, правительство обратило все свое вниманіе на забастовки политическія, т. е. служащихъ различныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и, главнымъ образомъ, служащихъ желѣзныхъ дорогъ, почтъ и телеграфовъ и банковъ. Оно съ легкимъ сердцемъ объявило, что эти служащіе не имѣютъ права соединяться въ союзы и вмѣшиваться въ политику, а равно, конечно, добиваться улучшеній своего быта забастовкой. На это есть «попечительное» начальство. А потому когда въ ноябрѣ вспыхнула всеобщая забастовка почтъ и телеграфовъ, то правительство не нашло ничего лучшаго, какъ арестовать всѣхъ представителей этихъ служащихъ. Оно еще не убѣдилось, что подобныя средства приносятъ лишь вредъ. Такъ произошло и на этотъ разъ. 18-го ноября было опубликовано слѣдующее воззваніе отъ союза: «Товарищи! Намъ бросили вызовъ. Наши делегаты арестованы въ Москвѣ, съѣздъ сорванъ. Ему не дали возможности закончить работы. Мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросили наши аппараты, наши столы, за которыми мы потеряли лучшіе дни нашей жизни. Не хотимъ мы болѣе быть рабами. Мы не дадимъ лишать насъ правъ союзовъ, которое признали за остальными гражданами. Бастуйте же, товарищи, да здравствуетъ всеобщая почтово-телеграфная забастовка! Да здравствуетъ всероссійскій почтово-телеграфный союзъ!».

20-го ноября всѣ города Имперіи были отрѣзаны другъ отъ друга, однако, вожди забастовки долгіе годы гноились въ тюрьмѣ.

Правительство всячески старалось разбить ряды бастующихъ и ослабить силу забастовки.

Такъ, въ Петроградѣ 20-го ноября градоначальникомъ было объявлено слѣдующее обязательное постановленіе: «1) Воспрещается принуждать кого бы то ни было къ прекращенію работъ и обычныхъ занятій и къ участію въ забастовкахъ, а также мѣшать угрозою или силою продолженію работъ и срывать рабочихъ или служащихъ на фабрикахъ или заводахъ, торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. 2) Виновные въ нарушеніи настоящаго постановленія подвергаются градоначальникомъ въ административномъ порядкѣ штрафу до 500 рублей или аресту до 3-хъ мѣсяцевъ».

Но жизнь давно уже показала, что подобныя обязательныя постановленія не останавливаютъ рѣшившихся на борьбу и лишь увеличиваютъ количество арестованныхъ, не достигая цѣли.

Итакъ, изъ сказаннаго видно, что законодательство о стачкахъ всячески старалось подавить забастовочное движеніе въ Россіи; при этомъ заботились лишь о сохраненіи общественнаго порядка и спокойствія и объ интересахъ фабрикантовъ. Интересы рабочихъ не находили себѣ защиты ни у закона, ни у власти. Въ своихъ дѣйствіяхъ власть руководилась исключительно политическими и даже полицейскими соображеніями.

Не тотъ пріемъ встрѣчаютъ забастовки рабочихъ и ихъ интересы въ свободныхъ странахъ, гдѣ рабочіе имѣютъ защиту въ лицѣ своихъ представителей и въ силѣ закона.

II.

Есть много лицъ, которыя утверждаютъ, что забастовки не приносятъ имъ никакой пользы, а только разоряютъ. Не надо, конечно, много доказательствъ, чтобы показать ложность такого взгляда. Лучше же все-

го это знаютъ сами рабочіе. Такъ въ Англіи за 30 лѣтъ заработная плата рабочихъ повысилась приблизительно на 40 процентовъ. Ясно каждому, что безъ стачекъ этого не случилось бы, такъ какъ капиталисты нигдѣ еще «не открывали своихъ кошельковъ» безъ требованій рабочихъ. А эти требованія такъ и остались бы одними требованіями, если бы не подкрѣплялись забастовками. Заработная плата гораздо больше тамъ, гдѣ рабочіе могли добиваться ея повышенія забастовками.

Путемъ забастовокъ рабочіе добились права на различные союзы и рабочія организаціи. А какова сила и польза для рабочихъ ихъ союзовъ,—никому, кажется, не надо доказывать. Возьмемъ для примѣра наемъ рабочихъ. Когда рабочіе разъединены, когда у нихъ нѣтъ организаціи, они дѣйствуютъ поодиночкѣ, каждый врозь. Они не знаютъ цѣнъ на рабочія руки, ни потребности въ нихъ, отчего зависитъ и цѣна; они знаютъ, что за ихъ спинами стоитъ еще больше такихъ же ищущихъ заработка, и, боясь, что ихъ мѣсто займутъ другіе, они продаютъ свой трудъ гораздо дешевле, чѣмъ слѣдуетъ. Этимъ пользуются капиталисты. Торгъ ихъ съ рабочими является въ силу этого не свободнымъ соглашеніемъ двухъ равныхъ сторонъ, а предписаніемъ условій съ одной стороны и безпрекословнымъ подчиненіемъ имъ съ другой. При наймѣ рабочій не можетъ предъявить своихъ требованій, и эти условія никогда не измѣнились бы въ лучшую сторону для рабочихъ, если бы они не пользовались забастовками.

Пользу забастовокъ легче всего показать, выясняя тѣ причины, которыя ихъ вызываютъ. Причины стачекъ бываютъ очень разнообразны. Многія причины, бывшія раньше, теперь уже не встрѣчаются. Напримѣръ, недовольства введеніемъ машинъ, вызывавшаго раньше забастовки, теперь почти не встрѣчается.

Главной причиной экономическихъ забастовокъ яв-

ляется повсюду заработная плата. Между предпринимателями и рабочими ведется упорная борьба за плату, и забастовки здѣсь, какъ мы видѣли, имѣютъ огромную силу. Далѣе, столь же важной причиной забастовокъ является количество рабочихъ часовъ. Трехъ восьмерокъ добиваются рабочіе: 8 часовъ труда, 8 часовъ отдыха и 8 часовъ сна. Съ невѣроятнымъ упорствомъ сопротивляются капиталисты противъ восьмичасового труда, и не пользуйся рабочіе забастовкой, имъ и теперь пришлось бы работать 15—16 часовъ въ сутки, какъ раньше. Первая русская революція 1905 года сократила работу до 9 часовъ, а теперь революція дала русскому рабочему восьмичасовой рабочій день.

Сколько злоупотребленій перенесли и переносятъ рабочіе отъ своихъ хозяевъ! Произвольные вычеты, нечеловѣческіе штрафи, фальшивые вѣсы и мѣры при пріемкѣ работъ, неправильныя выдачи жалованья, хозяйскія лавочки съ плохимъ и дорогимъ товаромъ и т. д., и т. д. И въ борьбѣ противъ этого у рабочихъ нѣтъ другого средства, какъ забастовка.

Въ какихъ убійственныхъ условіяхъ работаютъ, живутъ рабочіе и работали бы и жили еще въ худшихъ, если бы не требовали улучшеній и не подкрѣпляли своихъ требованій забастовками.

Какія оскорбленія личныхъ чувствъ и человѣческаго достоинства не переносили и не переносятъ рабочіе! Ихъ бьютъ и ругаютъ, надъ ними смѣются и издѣваются, ихъ выборныхъ не принимаютъ и не признаютъ, ихъ не считаютъ за людей, а только «рабочей силой». И рабочіе не могли бы разсчитывать на пріобрѣтеніе своихъ человѣческихъ правъ, если бы имъ не приходила на помощь забастовка.

Всѣхъ причинъ, вызывающихъ забастовки, немыслимо перечислить, но изъ приведеннаго ясно, что самымъ могучимъ средствомъ для защиты интересовъ рабочихъ является до сихъ поръ забастовка. Помощью

ея рабочіе не только добиваются улучшенія матеріальнаго благополучія, но и признанія своихъ человѣческихъ правъ. Забастовка будитъ въ рабочихъ сознаніе общности интересовъ и развиваетъ въ нихъ чувство солидарности въ борьбѣ за эти интересы.

Не надо закрывать глазъ на то, что далеко не всѣ забастовки проходятъ удачно. Сейчасъ мы постараемся хотя нѣсколько разобраться въ условіяхъ, которыя пагубно отражаются на исходѣ забастовокъ и которыя, напротивъ, содѣйствуютъ ихъ успѣху. Но прежде всего надо оговориться, что опредѣленныхъ, общихъ какихъ-нибудь условій успѣшности или неуспѣшности всѣхъ забастовокъ быть не можетъ. Условія, среди которыхъ протекаютъ стачки, настолько разнообразны и многочисленны, что общихъ законовъ вывести совершенно невозможно. Условія эти зависятъ не только отъ государства или мѣстности, гдѣ происходятъ забастовки, но и отъ рода промышленности, къ которой принадлежатъ забастовавшіе рабочіе. Поэтому для каждой забастовки въ отдѣльности участники ея должны строго взвѣсить и разсчитать всѣ условія окружающей дѣйствительности и объявить забастовку лишь въ томъ случаѣ, если принятыя во вниманіе всѣ условія говорятъ за ея успѣхъ. Конечно, это касается лишь забастовокъ экономическихъ.

Главнымъ условіемъ успѣшности стачекъ является—найти удобный моментъ ихъ объявленія. Исторія забастовокъ показала, что стачки имѣютъ успѣхъ больше всего во время расцвѣта промышленности, и, наоборотъ, стачки обрекались на безплодную борьбу, если онѣ начинались въ періодъ застоя и затишья. Поэтому-то въ Западной Европѣ все вниманіе союзовъ рабочихъ обращено на знакомство съ ходомъ промышленности. Въ зависимости отъ него они ставятъ свои требованія и ведутъ забастовки. Горнорабочіе въ Бельгіи, напримѣръ, всякое свое требованіе предъявляютъ

соразмѣрно колебаній цѣнъ на каменный уголь на міровомъ рынкѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ рабочіе очень строго слѣдятъ за ходомъ промышленности, и со всякимъ улучшеніемъ въ ней они требуютъ улучшенія своего быта, въ періоды же затишья они умѣряютъ свои требованія. Поэтому тамъ въ годы развитія промышленности поднимается огромное количество забастовокъ, и, наоборотъ, во время упадка количество забастовокъ очень незначительно.

Удача забастовокъ также зависитъ отъ справедливыхъ требованій со стороны рабочихъ. При исполненіи этого условія рабочіе привлекаютъ къ себѣ сочувствіе товарищей и общества. При такомъ сочувствіи рабочіе всегда могутъ найти не только матеріальную помощь въ видѣ пожертвованій и проч., но и моральную поддержку въ видѣ давленія на предпринимателей и принужденія ихъ со стороны закона и права. Въ этомъ случаѣ на сторонѣ рабочихъ могутъ быть не только мѣстныя власти, судьи, но и правительство.

Весьма немаловажнымъ условіемъ успѣха забастовокъ является организованность рабочихъ, а также ихъ подготовленность [1]). Если одна часть забастовавшихъ заявляетъ одни требованія, другая — другія, если каждый день будутъ возникать все новыя и новыя требованія, и если рабочіе не будутъ стойки въ своихъ требованіяхъ, то забастовка не можетъ имѣть успѣха. Напротивъ, если рабочіе раньше сговорились о своихъ требованіяхъ если они держатся дружно, если ихъ не могутъ разбить какими-нибудь подачками, то они всегда могутъ разсчитывать на побѣду.

Важно также, чтобы рабочіе не начинали забастов-

---

[1]) Необходимость этихъ двухъ условій какъ нельзя лучше подтверждаютъ забастовки въ Россіи, гдѣ вслѣдствіе отсутствія рабочихъ организацій и неподготовленности рабочихъ забастовки очень коротки и малоуспѣшны. Голодные рабочіе быстро приступали къ работамъ, не добившись цѣлей съ которыми начали забастовку.

ки съ пустыми карманами; иначе они, изголодавшись, очень скоро должны пойти на уступки.

Несомнѣнно, что небольшая по числу участниковъ забастовка не можетъ разсчитывать на успѣхъ—ея никто не испугается.

Этими условіями не исчерпываемъ всего, что нужно принять во вниманіе, при объявленіи забастовки, но повторяемъ, что, прежде чѣмъ объявить ее, рабочіе должны быть очень осмотрительны и подготовлены, если они желаютъ добиться благопріятныхъ результатовъ.

Забастовки бываютъ единичныя, т.-е. такія, которыя происходятъ на одномъ какомъ-нибудь заводѣ или фабрикѣ. Забастовки иногда распространяются на какой-нибудь промыселъ или на какую-нибудь промышленность. Тогда въ нихъ принимаютъ участіе всѣ работающіе по извѣстному промыслу въ данной мѣстности или городѣ. Иногда забастовки охватываютъ всѣ промыслы и всѣ промышленныя или торговыя заведенія. Такія забастовки называются всеобщими. Конечно, чѣмъ больше забастовка захватываетъ однородныхъ промысловъ или однородныхъ промышленныхъ заведеній, тѣмъ больше надежды на ея успѣхъ.

Иногда забастовки бываютъ изъ солидарности къ забастовавшимъ товарищамъ. Рабочіе объявляютъ забастовку, не предъявивъ никакихъ требованій къ своимъ хозяевамъ, а заявляютъ лишь о своей поддержкѣ забастовавшихъ товарищей по роду занятій. Въ Россіи за послѣднее время такихъ забастовокъ было довольно много. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1905 г., напримѣръ, въ Петроградѣ объявили забастовку всѣ рабочіе въ типографіяхъ изъ сочувствія къ своимъ товарищамъ въ Москвѣ. Они не предъявили никакихъ своихъ требованій, а объявили забастовку на три дня. Такую же забастовку объявили служащіе на почтѣ и телеграфѣ въ Финляндіи. Изъ сочувствія къ русскимъ служащимъ они объявили забастовку и у себя.

Нечего и говорить о силѣ такой забастовки, а также и того, что забастовка изъ сочувствія можетъ быть лишь тамъ, гдѣ рабочіе или служащіе сознали общность своихъ интересовъ.

Теперь на Западѣ мы часто видимъ забастовки-демонстраціи, продолжительность которыхъ сократилась даже до одного часа, какъ это недавно было въ Италіи.

III.

До сихъ поръ мы говорили о забастовкахъ экономическихъ, предпринимаемыхъ въ борьбѣ противъ капиталистовъ. Но, кромѣ такого рода забастовокъ, міръ знаетъ забастовки политическія. Такія стачки извѣстны были въ древнемъ Римѣ, но съ тѣхъ поръ онѣ, кажется, не употреблялись, пока не возобновились въ прошломъ столѣтіи въ Англіи.

Въ прошломъ вѣкѣ англійскіе рабочіе вели продолжительную борьбу съ цѣлью улучшенія своего экономическаго быта. Но всѣ усилія были напрасны, пока у власти стояли враждебные имъ классы. Тогда борьба была направлена на достиженіе политической власти. Были выставлены 6 пунктовъ, гдѣ требовалось всеобщее избирательное право для всего народа. Въ это же самое время шла другая борьба среди богатыхъ классовъ—городскихъ и сельскихъ. Городскіе богачи требовали отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Въ этой борьбѣ съ земельной аристократіей они желали воспользоваться недовольными рабочими массами и перебросить ихъ изъ городовъ на деревни, «какъ войско, которое расквартировывается у врага». Вожди рабочихъ воспротивились этому. Тогда фабриканты различными мѣрами заставили прибѣгнуть рабочихъ къ забастовкѣ. Вынужденные къ забастовкѣ, рабочіе старались сдѣлать ее всеобщей. И это имъ блестяще удалось. Вскорѣ на всемъ промышленномъ сѣверѣ Англіи остановилась всякая

работа, кромѣ подвоза хлѣба и приготовленія съѣстныхъ припасовъ.

Этой забастовкой воспользовались вожди рабочихъ для достиженія всеобщаго избирательнаго права. Но они не успѣли овладѣть умами всѣхъ рабочихъ, и движеніе обречено было на пораженіе. Рабочіе не имѣли никакой опредѣленной цѣли и единенія, они не знали, чего они хотѣли и не могли дѣйствовать единодушно. Такъ неудачно кончилась первая всеобщая политическая забастовка новаго міра. Но она повторилась и на этотъ разъ имѣла огромный успѣхъ. Это было не такъ давно и опять съ цѣлью добиться всеобщаго избирательнаго права. До 1893 года въ Бельгіи была цензовая избирательная система, которая устраняла огромное количество населенія отъ участія въ выборахъ. Началась борьба противъ этой системы. Революціонное движеніе народа въ 1891 году достигло наибольшихъ предѣловъ. Правительство не знало, что дѣлать. На войско положиться оно не могло, такъ какъ всѣ войска были захвачены движеніемъ. «Намъ не надо,—говорили рабочіе,—оружія противъ солдатъ—мы откроемъ имъ наши груди, но они не станутъ стрѣлять въ сердце братьевъ». Поэтому правительству пришлось приступить къ реформамъ; однако, предложеніе о всеобщемъ избирательномъ правѣ было отвергнуто. Король въ своей рѣчи совѣтъ бельгійской рабочей партіи рѣшилъ прибѣгнуть къ всеобщей забастовкѣ. Рабочіе съ необычайнымъ единодушіемъ откликнулись на призывъ. Въ одинъ мигъ остановилась работа во всей странѣ. Произошли стычки, аресты и убійства. Но народное движеніе становилось все грознѣе и грознѣе. Испуганныя имъ, палаты дали право всеобщей подачи голосовъ, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями. Когда стало извѣстно это рѣшеніе, жизнь закипѣла опять. Это была хотя

неполная побѣда, но все-же побѣда. Она была достигнута всеобщей забастовкой.

Ко всеобщей политической забастовкѣ прибѣгли и шведы, чтобы также добиться всеобщаго избирательнаго права. На этотъ разъ торжество забастовавшихъ было полное. Въ Швеціи рабочіе были лишены права участія въ выборахъ. Началась борьба. Сначала были огромныя политическія демонстраціи, которыя проходили въ удивительномъ порядкѣ и съ необычайнымъ одушевленіемъ. Наконецъ, какъ главнымъ средствомъ, была выбрана всеобщая забастовка. 15-го мая, какъ по мановенію волшебной руки, около 150 тысячъ человѣкъ оставили работу. Остановилась промышленность, торговля и передвиженіе. Въ Стокгольмѣ закрылись всѣ рестораны, магазины, театры, газеты, не выходили, остановились конки и не показывались извозчики, погасло освѣщеніе, не дѣйствовалъ телефонъ.

При такомъ положеніи вещей правительственное предложеніе въ палатѣ провалилось, и дано было всеобщее избирательное право. Жизнь тотчасъ же вошла въ обычную колею.

Такъ сильно значеніе забастовокъ; такъ огромно значеніе рабочихъ массъ. Онѣ выступаютъ теперь не только въ борьбѣ экономической, но и въ борьбѣ политической.

Но еще болѣе поразительный и яркій примѣръ силы политической забастовки мы имѣемъ во всеобщей стачкѣ у насъ въ октябрѣ 1905 г. И тутъ всеобщая забастовка помогла народу одержать хотя не полную, но все-же огромную побѣду. Если всеобщая стачка въ январѣ 1905 года не имѣла наглядныхъ положительныхъ результатовъ, то она была опытомъ, школой, изъ которой всѣ вышли опытными воинами и стойкими борцами противъ отжившаго режима за новую Россію. Она не была направлена исключительно на политическаго врага; къ ней было примѣшано много экономическихъ требованій.

Но несомнѣнно она была вызвана безправнымъ политическимъ положеніемъ всего народа и, какъ таковая, она—политическая. Эту сторону и эту заслугу январскихъ дней правительство желало уничтожить, сваливая все лишь на нѣсколькихъ «злонамѣренныхъ лицъ» и «враговъ отечества». Сообщая о событіяхъ 9-го января, правительство писало: «8-го января священникомъ Гапономъ была составлена и распространена петиція отъ рабочихъ на Высочайшее имя, въ коей рядомъ съ пожеланіями объ измѣненіи условій труда были изложены дерзкія требованія политическаго свойства».

Теперь намъ особенно ясно, что событіе 9-го января 1905 года носило политическій характеръ, однако, сообщенія министра финансовъ и петербургскаго генералъ-губернатора пытались доказать, что рабочимъ чужды политическія требованія.

На это заявленіе достойно отвѣтили петроградскіе инженеры въ своей запискѣ на имя Витте: «Мы,—писали инженеры,—и въ особенности тѣ изъ насъ, которые по своему положенію близко стоятъ къ рабочимъ, считаемъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что идеи политической свободы давно уже не чужды рабочей средѣ и вполнѣ ясно сознаются въ ней многими, и мы не можемъ допустить, чтобы этотъ огромный фактъ остался тайной для правительства. Поэтому власти, объясняя происшедшія событія какъ результатъ преступной агитаціи со стороны интеллигенціи и даже какъ результатъ подкупа, идутъ вразрѣзъ съ несомнѣнными и общеизвѣстными фактами».

Лучшимъ доказательствомъ правоты этихъ словъ было поведеніе всей Россіи въ январскіе дни. Вся Россія забастовала. Не было города, гдѣ бы петроградское движеніе не отдалось раскатистымъ эхомъ. Самой интересной стороной этого отраженія является отказъ во многихъ городахъ,—Москвѣ, Самарѣ, Вильнѣ, Минскѣ,

Ригѣ и др.—отъ предъявленія какихъ-либо экономическихъ требованій со стороны забастовавшихъ. Они прямо заявили, что бастуютъ изъ сочувствія къ своимъ петроградскимъ товарищамъ въ ихъ политическихъ требованіяхъ. Тотъ фактъ, что одновременно забастовало 500 тысячъ человѣкъ, говоритъ о политической подкладкѣ: ни одно экономическое требованіе не можетъ объединить столько людей въ разныхъ частяхъ громадной нашей родины.

Но больше всего подтверждаетъ политическую зрѣлость рабочихъ ихъ поведеніе и отношеніе къ комиссіи Шидловскаго. Выставивъ свои предварительныя требованія въ 9 пунктахъ, они отказались отъ всякаго участія въ комиссіи, когда эти пункты не были удовлетворены. Рабочіе сознали, что съ бюрократами, ставленниками отжившаго строя они не могутъ имѣть ничего общаго. Это-ли не политическая зрѣлость?

Послѣ январскихъ дней Россія стала ареной безконечныхъ забастовочныхъ вспышекъ. Забастовки, очень длинныя и самыя жестокія, смѣняли одна другую. Кому не памятны забастовки лѣтомъ 1905 года въ Ивановѣ-Вознесенскѣ съ дебоширствомъ казаковъ, Вильнѣ, Лодзи, Минскѣ, Одессѣ, Варшавѣ, на Кавказѣ, въ Москвѣ? Но это были лишь вспышки. Вспышки, правда, иногда чрезвычайно грандіозныя по своимъ размѣрамъ и ужасныя по своимъ послѣдствіямъ, но это не было всеобщей забастовкой. Россія такъ велика, что происходящее, напримѣръ, въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, хотя бы поистинѣ ужасающее и звѣрское, не можетъ отразиться на всей Россіи.

Но это было масло, подливаемое въ огонь.

Съ наступленіемъ осени, когда оживляется жизнь въ промышленныхъ центрахъ, началось волненіе. Настроеніе скоро перешло въ тревожное и пока глухо протестующее. Положеніе вещей обострялось и натягивалось. Въ воздухѣ предвѣщалось что-то зловѣщее и небывалое.

Народъ требовалъ свободы собраній для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ. Права собраній не давали, и происходившіе митинги повсюду и особенно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подвергались страшной опасности со стороны власти. Наконецъ, и эти послѣдніе пріюты начали закрываться. Теперь всѣ увидѣли, что такъ дальше дѣло итти не можетъ. Нуженъ какой-нибудь исходъ. Петроградъ опять взялъ на себя починъ, но на этотъ уже разъ всеобщей политической забастовки. 4-го октября рабочіе завода Семенюкова согласно заранѣе выработанному плану и съ пѣніемъ «рабочей марсельезы» густой толпой направились по Шлиссельбургскому тракту. Къ нимъ присоединялись массами рабочіе попутныхъ фабрикъ и заводовъ. Въ тотъ же день прекратились работы на Монетномъ дворѣ.

Требованія, выставленныя забастовавшими, были исключительно политическія: 1) Предоставить фабричнымъ рабочимъ равныя съ крестьянами права по выборамъ въ Государственную Думу. 2) Неприкосновенность личности. 3) Свобода слова, печати, собраній и передвиженія. Рѣшили продолжать забастовку до тѣхъ поръ, пока эти требованія не будутъ удовлетворены.

Это было сигналомъ.

Съ 9-го октября начали бастовать желѣзныя дороги. Забастовка распространилась въ два—три дня по всѣмъ линіямъ и явилась грозной силой. Уже 13-го изъ Лондона телеграфировали, что «забастовка на желѣзныхъ дорогахъ вызываетъ тревогу въ коммерческихъ кругахъ». Къ забастовкѣ желѣзныхъ дорогъ быстро начали примыкать рабочіе и служащіе на фабрикахъ, заводахъ и учрежденіяхъ. 13-го октября въ Петроградѣ Союзъ союзовъ постановилъ присоединиться къ забастовкѣ, освободивъ лишь писателей, журналистовъ и наборщиковъ газетъ. Однако, забастовка настолько захватила умы всѣхъ, что газеты въ Петроградѣ и дру-

гихъ городахъ не вышли. Повсюду забастовали типографіи. Забастовали аптеки, и населеніе осталось безъ лекарствъ; забастовали банки, и жители остались безъ денегъ; забастовали суды, и заключенные должны были для общаго блага переносить еще муки заключенія; забастовали водопроводы, и горожане безропотно жаждали; забастовали электрическая станція и фонарщики, и города погрузились во мракъ; забастовали конки и трамваи, и не было сообщенія; забастовалъ телеграфъ и города были отрѣзаны другъ отъ друга и отъ всего міра. Подобное положеніе государства невольно напрашивается на сравненіе съ «голодовками» въ стѣнахъ тюремъ.

Люди, брошенные въ застѣнокъ, безправные изъ безправныхъ, обездоленные изъ обездоленныхъ, беззащитные изъ беззащитныхъ, не могутъ больше выносить гнетъ и произволъ тюремщиковъ. Они рѣшаются на послѣднее средство—цѣною жизни они хотятъ купить свое человѣческое право. Ко всѣмъ мукамъ и терзаніямъ они добровольно налагаютъ на себя еще большія муки и страданія—они прибавляютъ муки голода и ужасы смерти. Въ этомъ ихъ послѣдняя надежда и спасеніе. И ничто ихъ не удержитъ отъ этого. Не помогутъ никакіе уговоры.

Въ такомъ же положеніи оказалась Россія въ октябрьскіе дни 1905 года. Она рѣшила терпѣть всѣ лишенія, всѣ ужасы голода, но стряхнуть съ себя иго рабства, проклятый царизмъ. Она обрекла дѣтей, стариковъ и больныхъ на мученія и болѣзни. Напрасны были бы уговоры, что это преступно. Люди сами это лучше всѣхъ знали, но они брали на свою душу это преступленіе. Они терзались больше всѣхъ, потому что это ихъ дѣти, это ихъ старики, это ихъ больные.

Рѣшеніе было твердо и неуклонно.

Изданный 14-го октября приказъ выскочкой изъ квартальныхъ, Треповымъ, «холостыхъ залповъ не да-

вать и патроновъ не жалѣть», вызвалъ вмѣсто умиротворенія и страха взрывъ негодованія и еще большую рѣшимость умереть. Принужденіе и запугиваніе потеряло силу. Если массой населенія овладѣла рѣшимость побѣдить или умереть, то ей безразлична смерть —отъ пули или отъ голода.

Положеніе становилось все грознѣе и грознѣе.

Во многихъ мѣстахъ оно обострялось въ открытое вооруженное возстаніе. Во многихъ городахъ были сооружены баррикады и происходили постоянныя стычки съ войсками.

Подъ напоромъ всего народа дрогнула и покачнулась стѣна. Николай II билъ отбой. Онъ сдался 17-го октября.

Въ этотъ день была провозглашена конституція.

Народъ одержалъ побѣду, и въ этомъ ему помогла всеобщая забастовка.

Это было движеніе, равнаго которому до сихъ поръ не видѣлъ еще міръ. Огромная страна, раскинувшаяся на много тысячъ верстъ, точно по мановенію руки замерла въ забастовкѣ. На счастье русскаго народа выпала доля если не въ первый разъ показать силу политической забастовки, то осуществить ее въ грандіозныхъ, небывалыхъ размѣрахъ. Никакіе пушки и пулеметы, казаки и драгуны не могли заставить многомилліонный народъ стать на работу, какъ никакіе уговоры не могутъ подѣйствовать на рѣшившагося не есть. Россіи выпала счастливая доля показать и подтвердить мирный путь къ политической свободѣ.

И этотъ мирный путь называется всеобщая забастовка.

Она была проведена въ октябрѣ съ удивительной красотой. Какъ сразу замерла вся жизнь, такъ сразу же она и возстановилась. Какъ только правительство сдалось, такъ сейчасъ же всѣ приступили къ работѣ.

Подобный же примѣръ могущества политической забастовки мы имѣемъ въ забастовкѣ въ Финляндіи.

Финляндцы, не желавшіе поддерживать русскихъ въ общей забастовкѣ, начали свою уже тогда, когда у насъ забастовка была въ самомъ сильномъ разгарѣ и успѣхѣ. 17-го октября въ 12 час. дня началась всеобщая забастовка въ Финляндіи. Всѣ рестораны и лавки закрылись моментально; городской телефонъ пересталъ дѣйствовать. 18-го утромъ забастовали фабрики, заводы, торговыя заведенія, университетъ, сенатская экспедиція, почта, телеграфъ и многія правительственныя учрежденія. Остановились желѣзныя дороги. Былъ созванъ сенатъ, рѣшившій ходатайствовать о немедленномъ созывѣ сейма, объ отмѣнѣ чрезвычайныхъ полномочій и законовъ. Во время засѣданія сената окружавшая его толпа народа потребовала выхода въ отставку всѣхъ сенаторовъ, генералъ-губернатора и всѣхъ русскихъ чиновниковъ, служащихъ въ краѣ. Сенатъ весь вышелъ въ отставку. Всюду были подняты красные флаги съ финляндскимъ гербомъ.

И опять Николай бьетъ отбой. Опять онъ сдается, и на этотъ разъ финляндцы выигрываютъ блестящую побѣду. Манифестъ отъ 22-го октября имъ далъ полную свободу и все, чего они требовали.

Эта побѣда одержана путемъ всеобщей забастовки.

Таковы всеобщія политическія забастовки новаго міра и такова ихъ сила.

Самымъ важнымъ явленіемъ всѣхъ этихъ забастовокъ есть нарожденіе союзовъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, въ кредитныхъ учрежденіяхъ и на почтѣ и телеграфѣ. Эти три союза обладаютъ такой силой, что способны не только остановить всю промышленную и торговую дѣятельность страны, но и разрушить жизнь всего населенія страны. Въ нихъ теперь коренится грозная сила. Безъ оружія эта сила не боится ни пушекъ, ни пулеметовъ. Если желѣзныя до-

роги останавливаютъ всякое передвиженіе и подвозъ провіанта, если банки лишаютъ населеніе кредита и денегъ, то почта и телеграфъ совмѣщаютъ эти обѣ страшныя силы забастовки трехъ союзовъ. Жизнь въ наше время такъ осложнилась, что остаться безъ желѣзныхъ дорогъ или безъ почты и телеграфа гораздо труднѣе и опаснѣе, чѣмъ остаться безъ водопровода. Воду еще можно какъ-нибудь достать, но оторванность городовъ отражается на населеніи самымъ пагубнымъ образомъ. И несмотря на это, происходившая въ 1905 году забастовка почтъ и телеграфовъ вызывала во всемъ населеніи Россіи полное сочувствіе и поддержку. Служащимъ не пришлось услышать ни одного протеста, ни малѣйшаго упрека. Всѣ сознавали, что всеобщая забастовка почтъ и телеграфа есть крупная замѣна всеобщей забастовки всего народа и что отъ исхода ея зависитъ многое въ судьбѣ самого народа. Отсюда ясно, что эта забастовка политическая.

Въ данномъ случаѣ вся Россія была согласна съ оцѣнкой, которую сдѣлалъ комитетъ почтово-телеграфнаго съѣзда. Онъ заявилъ: «Эта стачка по своему существу направлена главнымъ образомъ непосредственно противъ правительства, безцеремонно попирающаго основныя права народа. Наше пораженіе—прямой ударъ общему дѣлу освобожденія».

Изъ практики забастовокъ на Западѣ самой сильной является стачка каменноугольныхъ рабочихъ. Забастовали эти рабочіе — стала вся промышленность, стали всѣ заводы и фабрики. Но это потому, что на Западѣ очень сильно развита фабрично-заводская промышленность, и еще потому, что сила этихъ рабочихъ испытана лишь въ экономической борьбѣ, въ экономическихъ забастовкахъ. Опытъ послѣднихъ политическихъ забастовокъ показалъ, что наибольшая сила въ трехъ указанныхъ союзахъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что всеобщая заба-

стовка есть мирная революція, есть несокрушимая сила въ политической борьбѣ. Она имѣетъ массу преимуществъ передъ старой вооруженной революціей.

Кто будетъ спорить о пользѣ всеобщихъ забастовокъ въ настоящее время, когда на-ряду съ политической борьбой населеніе и рабочіе добились съ ея помощью многихъ улучшеній въ своемъ экономическомъ быту? Въ данномъ случаѣ эти двѣ борьбы идутъ рука-объ-руку. Здѣсь не мѣсто приводить всѣ матеріальныя улучшенія рабочихъ и служащихъ, но они сами-то чувствуютъ ихъ очень хорошо.

Многое, что было сказано выше объ условіяхъ экономическихъ забастовокъ, касается и политическихъ. Здѣсь удобный моментъ объявленія забастовки, подготовленность и организованность имѣютъ еще большую силу и еще больше необходимы, чѣмъ тамъ. Это подчеркивается самими же участниками и руководителями послѣ каждой забастовки. Но когда приходится протестовать противъ произвола, когда защищаешь свое человѣческое существованіе и достоинство, тогда не всегда можешь разсуждать о томъ, выиграешь битву или проиграешь. Бываетъ, что потерянная забастовка славнѣе и цѣннѣе, чѣмъ нѣсколько выигранныхъ.

Бойкотъ у насъ мало кому извѣстенъ и рѣдко примѣнялась его сила. Это для Россіи настолько новая форма борьбы и настолько новое понятіе, что на многихъ митингахъ въ 1905 году просили объяснить, что такое бойкотъ. А между тѣмъ это весьма важное и сильное орудіе борьбы, особенно нужное въ наше время.

Бойкотъ есть средство борьбы съ предпринимателями, фабрикантами, торговцами, отдѣльными частными лицами или корпораціями.

Въ бойкотѣ участвуютъ двѣ стороны; одна та, которая объявляетъ бойкотъ, другая та, которой объявляютъ бойкотъ. Бойкотъ могутъ объявить организован-

ные рабочіе какому-нибудь предпринимателю. Они объявляютъ, напримѣръ, что никто изъ рабочихъ такой-то мѣстности или города не поступалъ на работу на такую-то фабрику, не покупалъ произведеній такой-то фабрики или не покупалъ товаръ въ такой-то лавкѣ, или не посѣщалъ такой-то трактиръ или чайную. Но кромѣ рабочихъ въ бойкотѣ могутъ участвовать вообще масса потребителей, извѣстная часть жителей или всѣ жители какого-нибудь города.

Объявленію бойкота обыкновенно долженъ предшествовать какой-нибудь проступокъ или какая-нибудь вина со стороны того, кому объявляютъ бойкотъ. Поводы и причины объявленію бойкота бываютъ самые разнообразные; всѣхъ ихъ даже нельзя и предвидѣть. Со стороны рабочихъ обыкновенно объявляется бойкотъ фабрикантамъ или торговцамъ на ихъ товаръ за нежеланіе исполнить предъявленныхъ требованій — повысить плату, уменьшить число часовъ, принять уволенныхъ рабочихъ и т. п. Со стороны общества объявляется бойкотъ кому-нибудь за проступки противъ этого общества или кого-либо изъ его членовъ. Напримѣръ, объявляютъ бойкотъ газетѣ за ея дурное направленіе, или за распространеніе ложныхъ позорныхъ слуховъ на общество. Или объявляютъ бойкотъ лицу, порочащему своимъ проступкомъ данное общество. Или объявляютъ бойкотъ какому-нибудь начальнику, своими распоряженіями возбудившему негодованіе не только служащихъ, но и общества.

Итакъ, бойкотъ есть рѣшеніе извѣстнаго круга лицъ воздерживаться отъ потребленія товаровъ какой-нибудь фабрики или торговли или же воздержаніе отъ всякихъ сношеній съ извѣстными лицами, вызвавшими протестъ своими проступками.

Свое названіе бойкотъ получилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ Ирландіи происходило крестьянское движеніе на земельной почвѣ. На одномъ собраніи

спросили: «Что дѣлать съ арендаторомъ, панимающимъ усадьбу, изъ которой прогнали прежняго арендатора?

— Застрѣлить,—отвѣтили многіе.

— Нѣтъ не застрѣлить. Есть другой способъ: признать его какъ бы прокаженнымъ и прервать съ нимъ всякія сношенія».

Эта мѣра и была примѣнена къ одному арендатору, по имени Бойкотъ. Съ нимъ порвали всякія сношенія, наказывали тѣмъ же всѣхъ, кто только нарушалъ это постановленіе. Поля у него не были обработаны, прислуга отъ него разбѣжалась, всѣ отказывались ему служить, даже извозчики, содержатели гостиницъ и т. д., и т. д. Капитанъ Бойкотъ былъ принужденъ бѣжать въ Америку. Такая мѣра съ тѣхъ поръ стала называться «бойкотомъ».

Бойкотъ употреблялся и раньше, но широкое развитіе получилъ въ концѣ 19-го вѣка. Бойкотомъ пользовались еще при цеховомъ строѣ предприниматели. Съ ихъ стороны подвергался бойкоту рабочій; такой рабочій не могъ избѣжать бойкота даже на новомъ мѣстѣ, такъ какъ туда посылались письма объ его бойкотѣ. Подвергались бойкоту и мастера. Рабочимъ воспрещалось у такихъ мастеровъ работать; они принуждены были продавать свои товары далеко отъ другихъ мастеровъ, и всякій зналъ, что они за что-нибудь бойкотируются.

Приведемъ примѣръ наиболѣе крупныхъ бойкотовъ на Западѣ, гдѣ бойкотъ теперь распространенъ очень сильно. Рабочіе и общество тамъ поняли силу бойкота, которая, пожалуй, больше забастовки. За послѣднее время,—говоритъ Озеровъ,—наиболѣе крупный бойкотъ происходилъ въ Берлинѣ въ 1894 году. Причиной къ нему послужилъ отказъ пивоваровъ освободить рабочихъ 1-го мая и рѣшеніе ихъ исключить тѣхъ рабочихъ, которые будутъ праздновать этотъ день. 200 человѣкъ рѣшили бойкотировать двѣ пивоварни, а позже объявленъ бойкотъ и остальнымъ. Рѣшили бойкотировать

до тѣхъ поръ, пока пивоварни не примутъ снова исключенныхъ рабочихъ, не вознаградятъ убытки рабочихъ, не признаютъ рабочую организацію и не согласятся на празднованіе 1-го мая. Лишь въ декабрѣ мѣсяцѣ пришли къ соглашенію враждующія стороны; побѣда осталась на сторонѣ рабочихъ, такъ какъ подъ вліяніемъ бойкота пивоварни должны были уступить.

При такомъ же бойкотѣ въ Швейцаріи рабочими принималась самыя энергичныя мѣры къ его осуществленію. Ими публиковались въ газетахъ, въ летучихъ листкахъ имена тѣхъ ресторановъ, гдѣ продается свободное отъ бойкота пиво. Улицы и дома разукрашивались надписями «не пейте пиво бойкотируемыхъ фирмъ» и тутъ же писались фамиліи владѣльцевъ. Были особыя лица, которыя слѣдили за тѣми лицами, которыя пили бойкотируемое пиво, и имена этихъ лицъ публиковались и доносились въ организаціи. Тамъ они также бойкотировались и подвергались исключенію.

Вообще для того, чтобы бойкотъ имѣлъ успѣхъ, нужна хорошая организація, которая проводила бы бойкотъ, и солидарность дѣйствій. Необходимо учрежденіе контроля при проведеніи бойкота. Какъ бы ни были сплочены народныя массы, но часто собственные расчеты и выгоды берутъ верхъ надъ общими интересами, и всегда находятся такія лица, которыя не соблюдаютъ постановленія о бойкотѣ. Вотъ для нихъ-то и нуженъ контроль. Когда каждый знаетъ, что онъ не можетъ безнаказанно нарушить общаго постановленія, что за нимъ слѣдятъ, тогда бойкотъ обезпеченъ; когда каждый знаетъ, что и онъ можетъ въ свою очередь подвергнуться бойкоту, тогда никто не будетъ отдѣляться.

Для успѣха бойкота важно, чтобы предметы бойкота были предметами потребленія массы, а не единичныхъ лицъ. Трудно разсчитывать на успѣхъ бойкота, напримѣръ, предметовъ роскоши, такъ какъ массы не играютъ роли въ употребленіи такихъ товаровъ.

Затѣмъ важно, чтобы бойкотируемые товары могли быть безъ ущерба замѣнены другими, чтобы они получались изъ другого источника помимо бойкотируемой фирмы.

Далѣе, невозможно бойкотировать товары, которые назначены не для мѣстнаго потребленія, а для вывоза за границу, на внѣшніе рынки. Такіе товары могутъ быть бойкотированы совмѣстно съ путями передвиженія, т. е. въ согласіи съ желѣзными дорогами, которыя отказались бы перевозить эти товары. Иначе нельзя нанести какого-либо ущерба бойкотируемой фирмѣ.

Бойкотъ бываетъ не только экономическій, но и политическій. Мы имѣемъ много примѣровъ политическаго бойкота. Миланцы, напримѣръ, въ 1848 г., чтобы подорвать ненавистное имъ господство австрійцевъ, рѣшили не курить табаку, который находился въ рукахъ австрійцевъ на монопольныхъ правахъ. Всякій, кто только курилъ, подвергался всяческимъ оскорбленіямъ и принужденіямъ. Успѣшно прошелъ политическій бойкотъ въ Польшѣ въ 1901 году. Вслѣдствіе различныхъ притѣсненій, которыя позволяли себѣ германцы къ нѣмецкимъ полякамъ, русскіе поляки рѣшили подвергнуть бойкоту нѣмецкіе товары. Вмѣсто германскихъ земледѣльческихъ машинъ и орудій фирмы стали выписывать австрійскія и американскія. То же самое дѣлали всѣ сельскохозяйственныя общества и товарищества, и въ Польшу не было ввезено ни одного орудія изъ Германіи. Къ сельскимъ обществамъ присоединились и другія фирмы, выписывающія иностранные товары, и бойкотированіе нѣмецкихъ товаровъ шло успѣшно.

У насъ въ Россіи за послѣднее время также начали появляться политическіе бойкоты. На Кавказѣ, въ Гуріи, въ 1906 году такой бойкотъ принялъ огромные размѣры. На разгулъ административнаго произвола жители отвѣтили дружнымъ бойкотомъ всѣхъ административныхъ учрежденій. Они прекратили обращаться въ

суды и къ судьямъ, и всѣ судебныя дѣла рѣшались выборными отъ населенія судьями. Они не признавали назначенныхъ старшинъ, а образовали свои собственныя управленія. Они перестали платить акцизъ за выкуриваемый спиртъ и т. д.

Всякій нарушавшій это постановленіе подвергался взысканію или бойкоту.

Въ октябрѣ въ 1905 году въ Москвѣ объявленъ былъ бойкотъ торговцамъ Охотнаго ряда. Когда охотнорядцы позволили себѣ возмутительныя и звѣрскія насилія надъ учащимися и интеллигенціей, то въ газеты посылались тысячи писемъ объ ихъ бойкотѣ, объ отказѣ покупать провизію въ Охотномъ ряду. Бойкотъ оказался, очевидно, дѣйствительнымъ, такъ какъ многіе торговцы начали утверждать письменно, что ни они сами, ни ихъ служащіе въ избіеніи не участвовали.

Въ Москвѣ въ 1905 году объявленъ былъ бойкотъ телефонному Датскому Обществу за его отвратительное поведеніе со служащими барышнями. Многіе абоненты не пользовались телефономъ и предъявляли иски къ обществу. Въ Ростовѣ-на-Дону былъ объявленъ бойкотъ папиросамъ и табаку фабрикъ Асмолова и Кушнарева, которые не удовлетворили требованій работающихъ. Бойкотъ шелъ вполнѣ успѣшно.

Однако, какъ ни развивается у насъ идея о бойкотѣ, его еще не умѣютъ проводить. Для этого у насъ еще нѣтъ солидарности среди круговъ общества и рабочихъ, у насъ еще нѣтъ организацій, которыя бы проводили бойкотъ.

Но мы увѣрены, что богатый новыми силами русскій народъ скоро сумѣетъ пользоваться въ защиту своихъ интересовъ и бойкотомъ.